

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Письмо дяде Холмсу

«ЭКСМО»

2006

Гусев В. Б.

Письмо дяде Холмсу / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2006 — (Дети Шерлока Холмса)

Мой брат Алешка раскрыл кучу преступлений. За выдающиеся детективные способности его наградили поездкой в Англию, на родину великого Шерлока Холмса. Во время путешествия он успел лишь... отдавить королеве ногу и вляпаться в очередное расследование. Которое привело его в деревню Шнурки. Разгадка тайны старинного клада уже была близка, но тут все дело испортил некий тип, прибывший за моим братом из Англии. Так что пришлось сломя голову гоняться и за ним, и за нахальным привидением, которое ни в какую не желало делиться сокровищами...

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Гусев

Письмо дяде Холмсу

Глава I

Привидение в лаптях

Дарагой дядя Ширлахомс!

Памагимне пажалисьта. В нашом доме в 12 часов ночи ходит па паталку страшная преведенья. Я его баюс. И дедушка тожи. Ширлахомс памаги иво паймать.

Астя».

Это письмо, написанное детской рукой и подписанное странным именем Астя, висит сейчас в далеком туманном Лондоне, в доме знаменитого сыщика Шерлока Холмса, в красивой рамочке под стеклом. А рядом, в такой же красивой рамочке, – вы не поверите – висит портрет моего младшего братишки Алешки во всей красе: глаза нараспашку, хохолок на макушке, рот до ушей.

Надо сказать, что точно такое же письмо, вернее его копия со всеми ошибками, лежит в Алешкином письменном столе, рядом с фотографией рыжей и конопатой девчушки. Кстати, чем-то очень похожей на Алешку. Такие же большие распахнутые глаза, непослушные кудряшки и улыбка от уха до уха. Та самая загадочная «Астя».

Это письмо Алешка привез из далекой Англии, а фотографию получил – в подарок и на память – в заброшенной деревушке со смешным названием Шнурки. Где он круто разобрался со всякими «ночными преведеньями» и другой бандитской нечистью.

Если вам интересно, то я с самого начала расскажу эту историю, в которую густо замесались разные проходимцы, ведьмы и лешии...

Я уже как-то говорил, что наш Алешка стал победителем Международного конкурса юных детективов на приз Музея Шерлока Холмса.

Мы, правда, об этом конкурсе ничего не знали. Алешка втихую послал ответы на вопросы о творчестве замечательного писателя Артура Конан Дойля, отослал сочинение на тему «Дедуктивный метод мистера Холмса», а к тому же раскрыл жуткое преступление с помощью одного из рассказов доктора Ватсона о великом сыщике.

И вот через некоторое время из туманного Лондона пришло на имя m-г Alex S. Obolensky толстое заказное письмо с обратным адресом «Бейкер-стрит, 221».

Не сказать, чтобы Алешка пришел в восторг. К тому времени он уже совершенно забыл об этом конкурсе и занимался совсем другими делами. Тем не менее с помощью папы он ознакомился с содержимым пакета. Там был билет на самолет в виде красивой книжечки, официальное приглашение и программа посещения как самого музея, так и многих мест в Англии, связанных с именем легендарного Шерлока Холмса, с его расследованиями самых громких дел.

Алешка без особого внимания выслушал папин перевод и отмахнулся:

– Да ну... Некогда мне.

Мама ахнула:

– Надо же! Ему в Англию некогда съездить!

– Подумаешь! – фыркнул Алешка. – Что я, этих англичан, что ли, не видел? Ничего особенного. Ходят с зонтиками, курят трубки...

– В гольф играют, – добавил папа.

– Пиво пьют, – добавил и я. – И овсянкой питаются.
– И все? – возмутилась мама, будто сама была коренной англичанкой. – Глубокие у вас познания!
– А ты что добавишь? – спросил ее папа.
– Ну... – Мама немного растерялась. – Они все джентльмены. Место женщинам в транспорте уступают.
– А! – вспомнил Алешка. – Они еще по Пемзе на лодках плавают, с собаками. (Тоже его любимая книга – «Трое в лодке, не считая собаки».)
– По Темзе, – мягко уточнил папа.
– Ну, ладно, – усмехнулся Алешка, – уговорили. Поеду, посмотрю, как они там в лодках плавают и овсянку едят.

И он улетел в Англию. С папиным сотрудником, которому было по пути – по интерполовским делам.

Правда, не обошлось без небольшого скандала. Алешка заупрямился:
– Да не нужен мне никакой провожатый. Обойдусь! Что я, Англию, что ли, не найду!
– Не провожатый, – уточнил папа, – а попутчик, майор милиции. Он летит в Англию не из-за тебя, а по моему заданию.
– А зачем? – заинтересовался Алешка. – Кого-нибудь ловить?
– Ну... скорее не ловить, – объяснил папа, – а искать.
– Не говори загадками, отец, – попросила мама. – Мне тоже интересно.

Маме он, конечно, отказать не мог. И рассказал, что в Москве здорово обокрали одного очень известного артиста. Богатенького, как Буратино. Забрали у него кучу денег и всякие ценности-драгоценности. И «по оперативным данным», кое-что из этих ценностей замечено в Англии. Нужно было эти ценности отыскать и установить – кто их доставил в Лондон. И организовать дальнейшие действия с помощью Скотланд-Ярда и Лондонского бюро Интерпола.

Алешка как про Скотланд-Ярд услышал, сразу на все согласился. А как же! Скотланд-Ярд, инспектор Лестрейд, тут до Холмса всего один шаг.

– Ладно, – Алешка махнул рукой, – так и быть, возьму я твоего майора с собой. Только пусть не выступает.

И вот в одно прекрасное зимнее утро папа заехал за Алешкой. Мама хотела ехать с ними, но папа не позволил:

– Ты лучше дома поплачь.

Мама согласилась поплакать дома, и папа с Алешкой отправились в аэропорт. Там их уже ждал папин сотрудник, майор милиции. Они отошли в сторонку и стали обсуждать свои дела. Алешка глазел по сторонам.

Ему было интересно. Все время чирикали и мурлыкали динамики, объявлялись всякие рейсы в дальние страны, сновали пассажиры с багажом и без багажа, с детьми и без детей. Иногда со взлетной полосы доносился мощный гул – очередной лайнер взмывал в небо. В общем, Алешке было очень интересно. Но и не прислушиваться к разговору он не мог. Хотя ничего в нем не понял.

– Предполагаю, что это та самая преступная группа, – говорил папа. – Ты непременно дай ориентировку на Дога, по сведениям агентуры, он собирается в Лондон. Необходимо, чтобы его задержали прямо в аэропорту, при нем могут быть интересные бумаги.

Майор внимательно слушал, кивал, морщил лоб, запоминая указания.

Объявили рейс на Лондон.

– Пошли, Алексей, – сказал папин майор, – полетаем немного.

Он оказался хорошим дядькой, Алешку не притеснял и не «выступал». В лондонском аэропорту Хитроу он передал Алешку в руки сотрудников Музея и растворился по своим делам в лондонском тумане. Наверное, отправился искать какого-то зубастого дога.

Мама очень беспокоилась – как там Алешка, в этой Англии, где все джентльмены уступают места женщинам и говорят только по-английски. А Лешка на этом языке знает всего два слова: «Фейсом об тейбл».

Мама время от времени бросала домашние дела – то стирку, то готовку – и взволнованно ходила по комнате, приговаривая:

– Целых две недели его ждать! Волноваться!

Но ждать и волноваться пришлось всего три дня: Алешка вернулся досрочно.

– И что ты там натворил? – спросила его мама, ахнув на пороге. – За что тебя досрочно выдворили из этой прекрасной страны?

– Да я там, – небрежно объяснил Алешка с хитрой улыбкой, – в ихнем двухпалубном автобусе одной тетке место не уступил.

– Какой тетке?

– Королеве ихней.

Наша наивная мама ужаснулась и прижала ладони к покрасневшим щекам. То ли ее огорчила Алешкина невоспитанность, то ли она расстроилась, что английской королеве приходится пользоваться двухэтажным общественным транспортом, где могут оказаться невежливые хулиганы из России.

После минутной паузы папа расхохотался первым, а когда все отсмеялись, он спросил:

– А все-таки, Алексей? Что так рано вернулся?

– А я за три дня все успел, – сказал Алешка. – Всю программу досрочно перевыполнил. К Новому году домой спешил.

Вот тут он не соврал – Новый год мы всегда встречаем вместе, в родном доме, возле зеленой елки. Да он еще, небось, и волновался – как бы без подарка не остаться.

– За ужином все расскажу, – пообещал Алешка и стал доставать из сумки свою английскую добычу.

Первым делом – красивый диплом. С Лешкиной фотографией в центре. Рядом с Шерлоком Холмсом. Великий Холмс (ну прямо как живой, но не очень похожий) сидел в любимом кресле и разгадывал очередную страшную тайну, задумчиво покуривая любимую трубку и поглаживая любимую скрипку. Алешка, в его жокейской шапочке, стоял рядом, положив детективу руку на плечо.

Снимок был очень интересный, исторический прямо. Жаль только, Лешкину мордашу на нем плохо было видно: шапочка шибко велика.

– Ну и где ты тут? – спросил папа, разглядывая фотографию.

– Не видишь, что ли? – обиделась мама и ткнула пальцем. – Вот, под шапкой. – Она пригляделась и проговорила недовольно: – А Холмс какой-то странный, не наш какой-то.

– Это подделка, – важно пояснил Алешка. – Там их полно, все время возле дома бродят.

– Двойники, – уточнил папа.

– Точно! – обрадовался Алешка. – Они там все время конкурсы этих двойников и тройников устраивают. И кто очень похож на Холмса, того могут посадить в его кресло и сфотографировать. – И добавил: – Там, в этом музее, здорово, можно все руками трогать. Даже пеструю ленту.

– Что за лента? – спросила мама. – Красивая?

– Так себе. – Алешка поморщился. – Болотная гадюка. Укус смертелен.

Мама ахнула:

– И ты ее трогал?!

– Это чучело, – успокоил ее папа.

Еще Алешку наградили игрушечной копией револьвера Шерлока Холмса, которую Леха подарил папе, и тростью доктора Ватсона, которую он зачем-то подарил мне. А маме Алешка привез блестящий камушек, который купил на обратном пути за два пенса в аэропорту Хитроу у какого-то симпатичного бродяги.

– Прямо настоящий бомж, – хвалился Алешка. – Совсем как у нас. И ругается по-русски. Без английского акцента.

Наврал, конечно. Подобрал эту стекляшку где-нибудь на Бейкер-стрит.

Мама повертела камешек в руках. Он радостно посверкал синими и алыми лучиками.

– Красивый, – сказала мама. – На алмаз похож. Я его в колечко вставлю.

– Можно взглянуть? – попросил папа.

Он отложил револьвер Шерлока Холмса, который до этого с профессиональным интересом разглядывал, и взял камешек в руки. Осмотрел, подставил под свет лампы, зачем-то провел им по ладони, хмыкнул.

– Ну что ты присматриваешься? – забеспокоилась мама. – Не тебе ведь подарили! – И она забрала у него камешек и поскорее спрятала его в свою шкатулку, где держала старые разнокалиберные пуговицы.

– Пошли скорей ужинать, – сказал Алешка. – А то я от ихней английской пищи очень проголодался.

Вообще, я заметил, что Алешка приехал из Англии какой-то не такой. Какой-то новый. Серьезный и неожиданно задумчивый. Смеется-смеется – и вдруг – задумается, нахмурится и шевелит беззвучно губами. Будто про себя деньги считает, которые ему на рынке на сдачу дали. То ли недодали, то ли лишние предложили.

За ужином он немного разошелся и стал очень красочно описывать свою поездку. Правда, не удержался от критики московских порядков:

– Опять овсянка? – поморщился над тарелкой. – Совсем как в Англии. А папе, небось, котлетку нажарила.

– Давай меняться, – согласился папа. – А то я что-то давно в Англии не был. Соскучился по английской кухне.

– Ладно, – кивнул Алешка, – меняемся. Только ты в придачу за это и мое молоко выпьешь.

– Он там к пиву привык, – сказал я.

– Ладно, хватит, – поспешила мама. – Не дразните ребенка. Он там змею голыми руками трогал. Рассказывай, Ленечка. Прямо с самого начала. Ты там с кем-нибудь познакомился?

– Ну, нас там, этих победителей, много было. Из всяких стран.

– Из каких, например? – спросил папа.

– Например, из Европы.

– Что за страна такая? – папа едва заметно усмехнулся.

– Большая, пап. Там европейцы живут.

– Ну да, – кивнул папа. – В Англии – англичане, а в Европе – европейцы.

– И вот там одна девчонка приехала. Но она не из Европы, она из Болгарии...

– И что?

– Влюбилась в меня.

Это неудивительно. Леха у нас обаятельный. Как Буратино.

– Симпатичная? – спросил папа с интересом.

Алешка кивнул, ковыряя вилкой котлету:

– Симпатичная. Только противная.

– Это как? – удивилась и огорчилась мама. И поставила перед ним кружку кипяченого молока. Алешка тут же передвинул ее папе. – Так не бывает. Симпатичная, но противная. Это еще почему?

– По имени, – объяснил Алешка, косясь на молоко. – Ее, знаешь, как зовут? Пенка!

– Ну и что? – удивился и папа. – Очень распространенное женское имя в Болгарии. В детстве, – тут глаза у папы стали задумчивыми и немного грустными, – когда я был юным пионером, то даже переписывался с одной болгарской девочкой. Тоже пионеркой. И ее звали, как сейчас помню...

– Овсянкой? – фыркнул Алешка.

– Вовсе нет, – обиделся папа за свое пионерское детство и за болгарскую девочку. – Ее звали очень красиво – Калинка.

– А меня, – сказала мама поспешно, – ты меня Малинкой называл. Два раза.

И тут они стали вспоминать свою молодость. Как они друг друга обзывали в юные годы.

Я-то внимательно слушал – мне интересно было, а Лешка стал потихоньку клевать носом. Все-таки устал он в дороге, далеко ведь страна Англия, даже дальше, чем страна Европа. И еще я подумал: что-то хитрит Алешка, зубы нам заговаривает. И не случайно он ничего нам пока не рассказал. Рассеял, как говорится, наше внимание. Отвлек его совсем в другую сторону.

– Калинка-малинка, – пробормотал Алешка над растерзанной котлетой. – Пенка. Овсянка. А у нас тоже, в нашей России, есть у девочек странные имена. Астя, например...

Мама приподняла его голову, чмокнула в лоб и сказала:

– Идите почивать, сэр.

Да, странный он какой-то вернулся. Что-то Алешка опять задумал...

Наутро мы снова собрались в нашей любимой комнате – на кухне.

Правда, мама сразу предупредила, чтобы мы не засиживались – она начинает подготовку новогоднего стола.

– Поели – и кыш! Только пусть Ленечка немного расскажет нам про Англию.

Алешка не стал ломаться.

– Англия, – начал он серьезно, – это такая страна. А Лондон – это...

– Такой город, – продолжил папа.

– Да, – удивился Алешка. – Откуда ты знаешь?

– По телевизору говорили. Два раза. Выучил.

– Не мешай, – сказала мама. – Продолжай, сыночек.

– Лондон, – продолжил Алешка, – он очень туманный. Но это не страшно – там везде фонари светят. По улицам ходят люди – леди и джентльмены. И все, между прочим, прекрасно говорят по-английски.

– Это все? – спросил папа. – Не густо. А как памятные места?

– У! Класс! Сначала нас всех поздравили, покормили английской кухней и повезли по памятным местам. Где Шерлок Холмс воевал. По порядку. Сначала по первой повести. «Знак четырех» называется.

– Очень интересно, – обрадовался папа. – И как же пролегал ваш путь?

– У! Прямо по книге! Сначала мы поехали к театру «Лицеум», прямо к третьей колонне. А потом прямо по Рочестер-роуд, по Винсент-сквер, по Воксхолл-бридж-роуд...

Папа вытаращил глаза. Я тоже обалдел. Алешка безошибочно произносил трудные английские названия и ни разу не сбился. Вот это память! Будто специально выучил.

А мама изо всех сил им гордилась.

– ... Ну, потом – через Пемзу... Темзу. Это у них главная река. Как у нас Волга. Только покороче. Там в ней очень красиво отражались зажженные фонари...

– Утром? – уточнил папа. – Среди бела дня?

– Ну и что! – удивился Алешка. – Там же он, этот Лондон, такой туманный! Слушай дальше. Едем по Уолдсуэрт-роуд... – Опять без запинки. – Стокуэлл-плейс...

Папа тихонько встал, вышел и вернулся со знакомой книгой в руках. На ее обложке – лупа, зонтик, револьвер.

Папа остановился у Алешки за спиной, нашел нужную страницу и стал внимательно следить за Алешкиным рассказом.

– ... А тут, мам, такой запутанный лабиринт узких, извилистых улиц – просто ужас. Мы даже чуть не заблудились.

Папа продолжил, водя пальцем по строкам:

– «Один из самых мрачных и подозрительных районов Лондона...»

– Точно! – Алешка даже подскочил: – Ты тоже там был? На этой... Коулд-харбор-лейн?

– Ну-ну, – подтолкнул его папа. – А дальше?

– На другой день нас повезли в эту... в Боскомскую долину.

– «Тайна Боскомской долины», – подсказал папа.

– Вот именно... Ну, сели в поезд, на Паддингтонском вокзале и поехали на самый Запад Англии. Вагончик такой клевый. Мягкие диванчики, сеточки для багажа, свежие газеты. За окном всякие ихние английские пейзажи... Едем, едем...

– И долго ехали? – папа опять заглянул в книгу.

– Почти пять часов. Через всю Англию, с самого Востока на самый Запад. Миновали прелестную Страудскую долину и широкий сверкающий Северн...

– А это что? – спросил папа. И улыбнулся.

– Офис такой. Стекло и пластик.

– Да? – У папы брови поднялись чуть ли не до макушки. – Надо же! А я, темный человек, всегда думал, что это река. Ну-ну, дальше.

– ... И очутились мы в милом маленьком городке Росссе. В гостинице Хирфорд Армз нам были оставлены комнаты.

– Ну, понятно, – усмехнулся папа. – Там вы пообедали английской кухней и переночевали в английских постелях. А утром пошли к Боскомскому омуту. «Это небольшое озеро, образованное разлившимся ручьем, который протекает по Боскомской долине». Тайну которой блестяще раскрыл Шерлок Холмс.

Алешка молча кивнул. И даже опять похвалил папу за хорошее знание истории и географии Англии.

– Ну, а потом, – небрежно завершил свой рассказ Алешка, – смотрелись в Девоншир. Графство такое. Там знаменитые болота, где бегала собака Баскервильей. Нам ее показали, она там в вольере сидит. Лаает. И сэра Генри показали...

– Он тоже в вольере сидит? – спросил папа с интересом. – Лаает?

– Нет. Он молча сидит в Баскервиль-холле. – Алешка сделал вид, что страшно устал. И от своего путешествия в Англию, и от своего впечатляющего рассказа. – Ну, потом вернулись в туманный Лондон. По Пем... по Темзе поплавали. Видали там лодку. А в ней трое джентльменов сидели, не считая собаки.

– Все? – спросил папа строгим голосом. – Или что-нибудь еще наврешь?

– Ничего он не наврал! – возмутилась мама. – Так красиво все рассказал! Особенно про прелестную Боскомскую долину. И про сэра Генри. Мне его даже жалко стало. Как он там в вольере сидит. И лаает, бедный.

– Рассказал красиво, – согласился папа и положил на стол книгу «Записки о Шерлоке Холмсе». – И память у него прекрасная. Даже Коулд-харбор-лейн наизусть выучил, без запинки назвал. – Папа помолчал и спросил тоном следователя: – Признавайтесь, сэр Оболенский! Нам все известно!

Алешка рассмеялся. А мама сердито взглянула на папу. Но он ее не послушался и спросил:

– Ты был в Англии? Или нет?

Алешка нахмурился.

– Был... Но недолго. Дела срочные появились.

– Удрал? Почему?

– Щаз! – Алешка сбегал в нашу комнату и принес листок бумаги. – Вот! Смотри!

Это было то самое письмо, в котором девочка Астя отчаянно просила помощи у дяденьки Шерлока Холмса.

Вот какое получилось дело. В этом музее есть целая группа сотрудников, которая отвечает на письма, адресованные Шерлоку Холмсу. Обращаются к нему до сих пор за помощью, за советом. Сообщают о всяких загадочных происшествиях и нераскрытых преступлениях и просят помочь в их раскрытии. В этой группе работают литераторы и сотрудники полиции. И в некоторых случаях они принимают меры к расследованию.

Алешка сам, в свое время, обращался туда за советом. И получил его.

И вот, когда победителей конкурса знакомили с этой корреспонденцией, Алешка обратил внимание на отчаянное письмо российской девочки Асти. А он у нас так устроен, что не может пройти мимо человека, попавшего в беду. И Лешка сразу же забыл обо всех поездках и экскурсиях. Он хотел как можно скорее вернуться в Москву, найти эту смешную деревню Шнурки и разобраться по полной программе со всеми «преведеньями», которые пугают беззащитную девочку и ее старенького деда.

Такой вот он у нас... Ну и чтобы не огорчать родителей, наболтал про свои поездки по веселой Англии и туманному Лондону. Благо, что книги про Холмса он знал наизусть. Даже названия всяких харбор, лейн и плейс. Не говоря уже о стритах.

Когда Алешка нам все это объяснил, мама еще больше им загордилась.

– Правильно, Ленька, – сказала она. – Ты поступил как настоящий джентльмен. Нужно помочь даме. А в Англию еще сто раз съездишь.

Алешка обрадовался этой поддержке и тут же загрузил папу: а где эти самые Шнурки и на каком трамвае туда ехать?

Папа усмехнулся, посмотрел карту, полистал свои справочники и объявил:

– Нету на свете никаких Шнурков. Нигде.

– Как это нету? – возмутился Алешка. – Русским языком написано.

Папа вздохнул:

– Русским-то русским... Да уж больно по-турецки. «Памаги... Па паталку... Преведенья... Дедушка». Могла эта Астя и Шнурки также написать. Может, это вовсе и не Шнурки, а по ее орфографии какие-нибудь Лапти. Кстати, что за имя такое? Астя! Настя? Ася? Тася?

– Разберусь, – пообещал Алешка.

А я и не сомневаюсь. Разберется. Найдет эти Шнурки или Лапти, разыщет эту Асю или Тасю. Наведет порядок на чердаке. И опять какой-нибудь приз получит. От имени привидений, домовых и леших. И они его пригласят на свой ночной шабаш. Или как там его – разгуляй какой-нибудь.

Да, а Шнурки эти нашлись. После Нового года.

Глава II

Дед Мороз босиком

Первого января, после встречи Нового года, наша сонная мама мыла на кухне праздничную посуду, а наш сонный папа ей помогал – читал газету. А их сонные дети прислушивались за дверью. Всегда полезно заранее знать, что замышляют родители.

– Как они мне надоели! – сказала мама.

– Кто? – спросил папа. – Тарелки? Или чашки?

– Наши дети.

– А давай заведем их в дремучий лес и там оставим.

– Не выйдет, – вздохнула мама. – Они, как Мальчик-с-пальчик, будут бросать по дороге обертки от сникерсов. И голодать не будут, и не заблудятся.

Алешка тихонько хихикнул в кулак. Все ясно – родители советуются, как нам получше провести каникулы, чтобы с нами было поменьше хлопот.

– Ну, тогда давай их куда-нибудь отправим подальше, – предложил папа. – Отдадим их кому-нибудь на время. Поживем без них, соскучимся. И когда они вернутся, мы будем им рады. И снова их полюбим.

– Не знаю, – опять вздохнула мама и завернула кран. – Мы можем привыкнуть к спокойной жизни. К свободе и независимости.

– Ну и что? Разве плохо?

– Они вернутся, а мы их на порог не пустим.

– Оно бы неплохо, – вздохнул папа. – Но ведь они тогда в окно влезут. А впрочем...

Но тут его дети... ну, не в окошко влезли, конечно. Нормально в кухонную дверь вошли. Я в трусах, Алешка в пижаме.

И он тут же нырнул в холодильник. Вместе с пижамой. Одна попа в кухню торчала.

– Я, мам, – сказал Леха в кастрюлю с салатом, – так плохо спал, что даже хорошо проголодался.

У Лешки всегда так: из плохого получается хорошее. «Я, Дим, так плохо природоведение выучил, что хорошо два урока прогулял».

– У! – обрадовался Алешка где-то в глубине холодильника. – Сколько мы еще вчера не доели! – И вытащил судок со студнем.

– Помыть бы надо, – подсказала мама.

– Студень? – удивился Алешка. – С мылом? Он испачкался?

– Руки, – сказала мама. – И лицо.

– И зубы, – добавил папа. И похвалился: – Я вот всегда новый день начинаю умыванием.

– Ты новый день начинаешь курением, – сердито уточнила мама.

Папа спрятался за газету, а Лешка сказал:

– А я зубы никогда не мою, – и пошел в ванную.

А я бы не зубы, а студень помыл. И салат тоже. Потому что вчера, в новогоднюю полночь, Алешка ахнул прямо над столом хлопущку с конфетти. И разукрасил всю, как он выразился, «вкуснятину». Попробуйте из салата или из холодца кружочки конфетти выловить...

В ванной вовсю зашумела вода. Алешка там мочит кончики пальцев, зубную щетку и немного свое полотенце. По-моему, эта его утренняя хитрость никого не обманывает. Кроме нашей наивной мамы.

Когда Алешка вернулся на кухню и уселся за стол, она ему заулыбалась:

– Вот видишь, Алексей! Какой ты сразу хорошенький стал. Свеженький, румяный. Глазки блестят...

– ... Зубки щелкают, – продолжил папа. И, отложив газету, добавил: – У нас есть новость. Мы насторожились. И спросили с опаской:

– Хорошая?

– Для нас с мамой очень хорошая, – сказал папа. – Мы решили выгнать вас из дома.

– Клево! – обрадовался Алешка. – На мороз?

– На зимнюю реку. И в дремучий лес заодно.

– Ну, отец, – испугалась мама, – это уж слишком.

– В самый раз, – папа многократно сложил газету и сунул ее в помойное ведро. – К Митьку поедете? На все каникулы.

Алешка аж подскочил от радости. А я чуть от радости не подавился.

Тут надо кое-что объяснить. Иначе вы потом ничего не поймете.

Митёк – это писатель Лосев, очень хороший, веселый и добрый человек. Он живет в своем доме на берегу реки и на краю леса. Летом мы все вместе пожили у него и натворили там под Алешкиным руководством несколько приключений. Клад нашли, заложника освободили, разгромили флотилию речной шпаны, банду жуликов повязали.

Впрочем, подробно об этом я уже рассказывал, если вы помните, но несколько деталей, необходимых для этого рассказа, я здесь приведу.

Митёк писал хорошие книги о милиции, ухаживал за своими пчелами и увлекался изготовлением макетов стрелкового оружия военных лет. У него в кабинете из этого оружия целая коллекция образовалась. Такая красота!

Правда, это оружие не совсем настоящее. Не очень боевое. Нет, на вид его от настоящего не отличишь, но стреляют все его пистолеты, автоматы и пулеметы безобидными охотничьими капсюлями: грохот, пламя из ствола, пороховая гарь, но совершенно безопасно. И гранаты он делал совсем как настоящие, но тоже безобидные. Корпус у них был не стальной, а картонный, а внутри – обыкновенная петарда. Алешка от этого оружия просто млел. Особенно от большого советского автомата времен Отечественной войны, с круглым магазином и деревянным прикладом. «ППШ» он называется. А по-фронтовому «папаша».

Вообще, в доме Митька было много интересного. И вот теперь оказалось, что Митёк должен уехать на недельку в Москву: его пригласили на конкурс «Лучшая книга о работниках милиции».

– Поживете в его доме, – сказал нам папа, – поохраняете его...

– Боюсь, они его так поохраняют, что Митьку потом негде жить будет, – сказала мама.

– Фиг с ним, – по-мальчишески легкомысленно отмахнулся папа. – Митёк победит на конкурсе, получит премию и построит себе новый дом. Лучше прежнего.

Слышал бы это Митёк!

– Так, – сказал папа, – собирайтесь, лыжи не забудьте. – И он пошел в кабинет звонить писателю Митьку в его заснеженный дом.

– Ну что? – спросила мама, когда папа вернулся. – Он обрадовался?

– Очень обрадовался. Так обрадовался, что все свое оружие запер в сейф.

– И гранаты? – расстроился Алешка.

– Гранаты в первую очередь, – сказал папа. – Вы готовы?

Мы молча показали ему лыжи, которые притащили с лоджии.

– А ботинки лыжные? – спросил папа.

– Они на антресолях, – вспомнила, подумав, мама. – В самом дальнем углу.

Полдня мы с Алешкой снимали вещи с антресолей. А папа при этом приговаривал:

– Это на помойку. Это тоже. Это тем более.

А мама в ответ приговаривала, не соглашаясь:

– Это нам еще пригодится. Это мне очень нужно. Без этого мне жизнь не мила. А вот это я полгода искала.

Примерно так.

Папа отфутболивает к стене старый чайник без носика, но с ручкой:

– На помойку, я проверю!

– Ты что! – ужасается мама. – Я его на дачу заберу. Из него очень удобно резеду поливать. Никакая резеда у мамы на даче не растет, одни одуванчики, но помечтать-то она может!

Папа раскрывает старый чемодан. Чайник без ручки, зато чемодан с ручкой. И с замками, которые не запираются.

– На помойку!

– Ты что, отец! – ужасается мама. – Я в него что-нибудь сложу, пусть себе лежит спокойно.

– Ты в него чайник спрячь, – советует папа. – Чтобы не убежал.

И тут папа вытаскивает за ухо громадного розового медведя, похожего на бегемота. Но с кошачьей мордой.

Мама чуть не падает в обморок:

– Ты что! Эту собаку нам Ивановские подарили. Ее нельзя выбрасывать. Они обидятся!

– Они не узнают, – успокоил ее Алешка.

– Узнают, – возразила мама. – Они на работу каждое утро мимо нашей помойки ходят.

– А мы на чужую помойку отнесем, – пообещал Алешка.

– Не верь ему, – предупредил папа. – Он этого носорога Ивановским под дверь положит. Алешка усмехнулся, но спорить не стал.

Короче говоря, ничего мы на помойку не отнесли – все уложили обратно на антресоли. А лыжных ботинок там не оказалось.

– Они в стенном шкафу, – вспомнила, подумав, мама. – На самой верхней полке.

– Я туда не полезу, – сразу же сказал папа. – Мне эти ботинки не нужны.

В общем, шкаф мы тоже разобрали, но и в нем ботинок не оказалось.

– Куда же они делись? – всерьез задумалась мама. И повернулась к папе: – Наверное, где-нибудь в твоём кабинете. Надо поискать.

– Нет уж! – возразил папа. – Мне еще там жить и работать.

– Иногда, – кивнул Алешка.

– Что – иногда? – не понял папа.

– Иногда там жить и иногда там работать.

Мама засмеялась:

– Он прав, отец. Ты и работаешь, и живешь в основном на работе.

Папа решительно снял трубку и набрал номер Митька:

– Писатель, у тебя лыжи есть? Тогда – все, завтра встречай. С медом и песнями. – Папа положил трубку: – У него этих лыж – целый сарай. Только все разные и поломанные. Обойдетесь.

На следующий день ясным морозным утром мы забрались в папин «джип», который он взял на работе, и отправились к писателю Митьку, на берег замерзшей реки, на край зимнего леса.

Потом, когда через неделю мы вернулись домой, я вспомнил этот день и обиделся на него. Он тогда весь сиял. В синем небе полыхало красное солнце, сверкал снег на ветках деревьев, за машинами на шоссе порошилась снежная пыль и вились белые дымки выхлопа. А ведь по сути – в этот день должны были сверкать грозные молнии и грохотать раскатистый гром. Или, по крайней мере, закружилась бы злая пурга. Чтобы предупредить нас: сидели бы вы, ребята, дома. В тепле и уюте, в безопасности. Под маминым крылышком и папиным крылом. Снимали

бы с елки золотые мандарины, смотрели бы телевизор с новогодними программами или читали, забравшись с ногами на тахту, интересные книги про приключения и опасности.

Нет, вам эти опасности и приключения нужны, оказывается, в жизни. Вдали от родного дома. В зимнюю стужу. В черную ночь...

Ну, так вам и надо!

Ехали мы довольно весело, но долго. Дорога была сложная – узкая и скользкая, да и в общем-то дальняя.

Зато чем дальше мы отъезжали от Москвы, тем чище становилось над нами небо, и снег по обочинам уже сиял белизной и меньше становилось машин на шоссе.

Я сидел впереди, рядом с папой, а мама с Алешкой – на заднем сиденье. Они все время хихикали, – видимо, Алешка рассказывал маме о каких-то своих приключениях в Англии.

Так оно потом и оказалось. А папа после так и сказал:

– Эх, Леха, если бы я в дороге прислушался к твоей болтовне!

Но папа не прислушивался. Он был весь поглощен дорогой. Но только мне показалось странным, что он все чаще поглядывает в зеркальце заднего вида. А потом вдруг свернул на обочину, остановился и посмотрел вслед обогнавшей нас серенькой «девятке».

– Я выйду, покурю, – сказал папа. – По сигаретке соскучился.

– И я, – сказал Алешка.

Мама ужаснулась – она подумала, что за три дня в Англии Алешка приучился курить, пить пиво и играть в гольф. Она его так и спросила.

– Нет, – ответил Алешка, распахивая дверцу. – Я только научился там королевам место уступать.

Мама успокоилась и начала, как обычно, подкрашивать глаза и губы. Она очень рассчитывала, что Митёк Лосев встретит ее красивым комплиментом.

Мы с Алешкой дышали свежим воздухом на обочине, а папа зачем-то достал мобильник и набрал номер.

Мы, конечно, наострили уши.

– Саша? – сказал папа. – Пробей-ка мне по-быстрому один номерок. Да. «Девятка», московская, «Женя, пять-ноль-пять, Маша, Толя». Спасибо, жду. – И папа сунул мобильник в карман. – Ну что, лыжники без лыж, едем дальше?

И мы поехали дальше. И очень скоро обогнали серенькую «девятку» Ж-505 МТ. Она словно поджидала нас – пропустила и ненавязчиво пристроилась к нам в хвост.

– Это кто такой? – спросил Алешка папу. – Наша охрана, что ли?

– Нам охрана не положена, – буркнул папа, – мы сами себе охрана. – И не стал ничего объяснять.

Но вот мы свернули на местное шоссе, проехали несколько заснеженных, будто дремлющих, деревенок, переехали замерзшую речку, на льду которой сторбились зимние рыболовы и гоняли шайбу местные ребяташки, еще несколько раз посворачивали вправо-влево и вырвались, как сказал папа, на оперативный простор.

И на краю этого простора наконец показался красивый дом Митька. Он стоял на пригорке. С одного края – река, с другого – лес, через который бежит в соседнюю деревню глубоко протоптанная в снегу тропинка. А за деревней – опять лес. Дремучий. И тоже спит под снегом. И нет ему никакого дела до того, что там творится под кронами его берез и лапами его громадных елей. Кстати, и назойливая «девятка» тоже потеряла к нам интерес, заблудилась где-то, отстала. Наверное...

Дом Митька весело сияет всеми окнами, в которых ярко играет солнечный свет. А сам Митёк, заслышав шум нашей машины, уже стоит у калитки, приложив ладонь ко лбу.

С окладистой бородой, в громадном желтом тулупе с пышным воротником, он очень похож на Деда Мороза. С голыми красными ногами.

– Это что? – спросила мама про его босые ноги, выходя из машины.

– Закаляюсь! – гордо ответил Митёк и чихнул.

Да так чихнул, что с ближайшей березы сорвалась и закаркала, улетаая, стая ворон.

– Все! – Папа посмотрел воронам вслед. – Больше не вернутся, напугал ты их. Привет, Митёк!

Они обнялись и похлопали друг друга по спине. При этом от Митькова тулупа поднялось белое облачко. И папа тоже чихнул.

– Что это? – спросил он. – Эпидемия?

– Нафталин, – объяснил Митёк. – Мой тулуп целый год в сундуке пролежал. А вы обрадовались, что я простудился? Не дожидетесь!

Алешка с визгом повис у Митька на шее, болтая ногами, и тоже зачихал.

Папа снял Алешку с Митька, а тот поцеловал маме руку и торжественно ей выдал:

– С прошлого лета в наших краях не было такой очаровательной Снегурочки.

– Снегурочки летом не водятся, – сказал Алешка и опять чихнул.

– Все равно приятно, – сказал папа.

Митёк распахнул воротца, папа загнал машину во двор.

Смеясь и чихая, они пошли в дом.

А мы туда не спешили. Остановились возле шикарной снежной бабы, которую, видимо, изваял мастер на все руки Митёк. Создал художественный образ.

Толстая такая баба получилась, несокрушимая. Нос-морковка торчком, глазки-угольки – злющие, рот-веточка – будто сердито поджатые губы. В правой «руке» – высокая метла, а на голове – зеленое ведро. Из-под него выбиваются редкие золотистые кудряшки, совсем как настоящие. А Лешка даже приподнял ведро, заглянул под него – что такое? Оказалось – свежие древесные стружки.

– Красивая скульптура, – одобрил он творение Митька.

А я сказал:

– Кого-то, Лех, она очень напоминает.

– Точно! – кивнул Алешка. – Митёк ее с натуры лупил. То есть лепил. – И подумал: – Может, он женился?

– На таких писатели не женятся, – сказал я. – Они женятся на красавицах. – И мне показалось, что снежная баба сердито зыркнула на нас черными уголками глаз и чуть приподняла свою метлу. Обиделась.

Мы еще побродили по двору, проверяя, все ли здесь на месте с прошлого лета.

Вот пустая собачья конура, где мы прятали от бандитов сундук с сокровищами. Вот бочка, где Алешка откармливал макаронами ленивую рыбину, которую мама принесла из магазина. А вот знаменитый сарай, где Митёк ладил свое великолепное оружие.

Потом мы тоже вошли в дом, где, в общем-то, все было по-прежнему. Только в углу, у окна, стояла пушистая елка, украшенная смешными самодельными игрушками. Но зато вместо электрической гирлянды на ней были настоящие маленькие свечки, немного оплывшие, в крохотных подсвечниках из серебряной фольги.

Когда мы вошли, сквозняк от двери добежал до елки, и она дрогнула своими лесными ветвями, и игрушки на ней будто ожили. От радости, что они снова кому-то нужны.

Все они были сделаны не очень ладно, но с большим старанием.

– Это мои друзья из школы постарались, – объяснил Митёк и опять чихнул. – Я им уроки русской литературы даю. Мы тут с ними такое затеяли! Такой праздник устроили! Здорово получилось, потом расскажу. Давайте-ка за стол. Снегурочек баснями не кормят.

Митёк подложил дров в печку, и она еще громче затрещала и загудела.

За обедом он все время громко чихал и, отворачиваясь, как-то по-деревенски объяснялся:

– Извините – чох напал.

А потом, когда Митёк отчихался, все взрослые начали нас инструктировать, приказывать и советовать, как нам здесь жить всю неделю, до возвращения Митька.

Мама: – Посуду и руки мыть каждый день. Босиком по снегу не бегать.

Папа: – Сейф с оружием не взламывать. Свечи на елке не зажигать.

Митёк: – Дорожку к туалету расчищать от снега каждое утро. На колодце скалывать лед – иначе без воды останетесь. Дрова не жалеть, пусть в доме всегда тепло будет.

Он такой – Митьков дом, в нем всегда тепло. Всем добрым людям.

– Да, – еще он припомнил: – Елку до моего приезда не трогать. Не выносить. – Этого он мог и не говорить: самое грустное дело после Нового года – елку выносить. – В кабинете на рабочем столе ничего не трогать. Пчел в омшанике не выпускать. Самогон с Василием не пить.

Василий – это чудной местный старик. Его Митёк попросил изредка навещаться в омшаник, куда Митёк составил на зимовку улья со своими любимыми пчелами.

Мы выслушали все указания и пообещали каждый день по снегу босиком не бегать и свечи в сейфе не зажигать.

– Да, – прибавил папа. – И никаких преступлений не раскрывать.

– И не совершать, – добавил Митёк. – А если совершите, то обязательно мне потом расскажете. Я про вас книгу напишу. Кстати, Леха, как ты в Англию съездил? Что привез?

– Массу впечатлений, – ответила за него мама. – Туманный Лондон. Историческая Темза, по которой трое с собакой в лодке плавали. Тауэр. Боскомская долина. Девоншир, где другая собака бегала. По фамилии Баскервиль.

– Это все ерунда, – сказал Алешка. – Все эти Темзы и Тауэры. Вот! – и он показал Митьку жалобное письмо девочки Асти.

Митёк развернул листочек и стал его читать. Вначале он улыбнулся, наверное, из-за ошибки, а потом вдруг нахмурился в задумчивости.

– Так, так, – он поскреб сначала бороду, а потом макушку. И пробормотал: – Интересное совпадение... Трогательная история... Леха, а ты знаешь, где находятся эти самые Шнурки?

– На карте России их нет, – сказал Алешка. – Их нигде нет. Мы долго искали. Даже папа не нашел.

– Конечно, на карте их нет. В этих Шнурках десять дворов всего было. А сейчас вообще два... Полтора километра от моего дома. За лесом.

– А вы откуда знаете? – Алешка вытаращил глаза.

– Да я там сто раз был. Я, кажется, и эту девочку знаю. И ее деда.

Вот это новость! Оказывается, эти самые Шнурки совсем рядом. За лесом. От Митькова дома, как Алешка выразился, полтора километра всего.

Вот такое интересное совпадение!

– Странно даже не это, – продолжал бормотать Митёк. – Странно совсем другое...

– А что? – Алешка прямо весь потянулся к нему через стол, став коленями на табуретку. –

А что, Митёк?

– Не скажу! Это моя тайна.

– Пап, – жалобно спросил Алешка, – все писатели такие вредные? Или только наш?

– Да я только одного и знаю.

– Все вредные, – сказал Митёк. – Еще вреднее меня. Но я имею право на свою личную тайну?

– Ладно, – сказал Алешка. – Имеете. До вашего возвращения.

– Боюсь, что до моего возвращения, – вздохнул Митёк, – вы сами эту тайну раскроете. И, кстати, если что-то вам в лесу привидится, очень-то не пугайтесь.

– Вот-вот, – спохватилась мама. – Я хочу еще одно условие детям поставить: никаких тайн. И никаких лесных прогулок. Заблудитесь еще!
Эх, если бы...

Глава III

Тайна номер раз

После обеда Митёк еще раз дал нам всякие указания по хозяйству и повел показать омшаник, где зимовали его любимые кусачие пчелы.

За углом дома, сзади, была небольшая лесенка с перилами, которая вела в подвал. Там было очень уютно. Сухо, тепло, пол засыпан чистыми опилками и пахло медом и воском. Стояли в рядок улья, в которых отдыхали пчелы; спали там, как медведь в берлоге.

– Вы сюда не бегайте без дела, – предупредил Митёк, – не беспокойте мой трудовой народ. Пусть он сил набирается к весне. За ними обещал дед Василий присматривать, будет иногда заходить. Вы его, ребята, без чая не отпускайте. Он очень хороший человек.

Мы это и так знали. Дед Василий нам здорово прошлым летом помог – вытащил из реки своим трактором целый сундук с сокровищами. И ни копейки за это не взял.

Он вообще такой – добрый и бескорыстный, только не очень везучий. Мечтательный такой, задумчивый. И, наверное, из-за своей мечтательности во всякие неурядицы попадает. Даже в мелочах. Станет утром обуваться, сунет ногу в валенок – а там мышь! Да еще кусачая. Пойдет за водой – обязательно упустит ведро в колодец. Колет дрова – непременно какая-нибудь щепка или сучок ему в лоб отлетит.

Но самая его большая неудача, по-моему, это его бабка, жена Клавдия. Вредная тетка, языкастая такая, все время его ругает ни за что и Непрухой дразнит. Но дед Василий на нее не обижается. Мирно проворчит только в ответ: «Всего делов-то, Клаша» – и занимается дальше чем-нибудь, другим людям помогает.

Ну как такого человека чаем не напоить...

Мы вышли из омшаника и полюбовались, как в чистом небе стали просвечивать первые звезды. Красиво так, робко. Помигивают себе, будто только что проснулись.

Вдали зубчато чернел спящий лес.

– Волки у вас зимой водятся? – деловито спросил Алешка. Будто на охоту собирался.

– Волки не водятся, – серьезно ответил Митёк. – А вот всякая нечисть... Вроде леших да ведьм... Этих полно. Но лешие обычно зимой спят.

– А ведьмы?

– Ведьмы? – чуть призадумался Митёк. – Ведьмы, они всякие бывают.

– Посмотреть бы, – помечтал Алешка. – Пообщаться.

– Не советую, – также серьезно ответил Митёк. – Пошли домой.

Вечером, когда взрослые уже стали собираться к отъезду, зазвонил папин мобильник. На связь вышел его сотрудник дядя Саша, который наверняка «пробил» серую «девятку», преследовавшую нас почти всю дорогу. Но как мы ни вслушивались в папины ответы, ничего полезного ухватить не смогли.

– Да, Саш, я. Ну что? Ага. Подожди, запишу. Черпаков, кличка Щелкунчик. Мошенник. Квартирный вор. Да вот и я не пойму, какие у этого жулика могут быть интересы к Интерполу. Ну, ладно, завтра разберемся. Спасибо, пока.

Странно. Какой-то мелкий мошенник вдруг устроил слежку за полковником милиции, сотрудником Интерпола. Но нас это не испугало. Потому что папа был совершенно спокоен. Ему эти всякие мошенники не опаснее комаров.

Между тем за окнами стемнело, в морозных узорах на стеклах засеребрился зимний месяц. Мы вышли на крыльцо. И тут же, словно он нас ждал, пошел легкий снежок. Снежинки были такие невесомые, что не ложились на землю, а висели в воздухе.

– Боже! – сказала мама. – Как хорошо! Светит месяц, падает снег. Комары не зудят, лягушки под ноги не бросаются.

– Дома теперь тоже хорошо, – намекнул папа. – Тоже никто не зудит и под ноги не бросается. И в моем кабинете по ящикам письменного стола не лазает. Поехали, мать, скорее домой. Пока там хорошо. Митёк, ты готов?

– Я всегда готов, – ответил Митёк. Он тоже в своем счастливом детстве бывал пионером.

Папа пошел прогревать машину, мама – проверять продукты, которые они нам оставили, а Митёк нам напомнил:

– Вы, ребята, деду Васе помогайте, ладно? Не наезжайте на него. Ему и так трудно живется.

– Прогнал бы он ее – и все! – решительно заявил Алешка. – Ведьма какая-то.

– А ты угадал, – то ли всерьез, то ли в шутку кивнул Митёк. – Клавдия до денег очень жадная, а здесь много не зарабатывает. Вот она и решила знахарем стать. Насмотрелась по телевизору всяких экстрасенсов, стала к Нюше бегать, на консультации.

– А это еще кто? – спросил Алешка.

– А это наша местная волшебница – знахарка. Кстати, она в этих Шнурках живет. В одном доме – Астя с дедом, в другом – Нюша. Она хорошая, не вредная. Она всех травами лечит – и людей, и животных.

– А Клавдия кого лечить собирается?

– Вот этого, ребята, я не знаю. Даже беспокоюсь. Она хочет ведьмой стать, по полной программе. И, похоже, ребята, у нее на этом деле крыша поехала.

– Здорово съехала? – спросил Алешка.

– Здорово. Василий мне как-то по секрету сообщил, что она мечтает невидимкой стать и даже на помеле летать пробовала. В лунную ночь.

– Получилось? – выдохнул Алешка.

– Получилось, – вздохнул Митёк. – С крыши сарая грохнулась. Три дня потом на печке лежала. Нюша ей всякие примочки делала, а Василий помогал. Он ее жалеет, ребята. А то бы давно удрал. Да ведь знает, что она без него пропадет. Вот он и терпит. По доброте своей.

Тут папа посигналил, мама вышла из дома – все они сели в машину и уехали. Мы постояли на крыльце, изо всех сил помахали им вслед, посмотрели, как мигают в вечерних сумерках рубиновые габаритки и бежит по дороге, удаляясь, пятно света от мощных джиповских фар.

– Наконец-то, – сказал Алешка с облегчением, – пошли скорей.

– Замерз?

– Проголодался!

Когда ж он успел? Их что, в Англии не кормили?

Алешка распахнул дверцу шкафчика. За ней стояли в ряд банки с медом. Самым разным. Тут и гречишный, и липовый, и майский...

Алешка надолго задумался. Выбирая, с чего начать. И выбирал, по-моему, не по цвету и названию меда, а по размеру банки.

Выбрал. Трехлитровую. Обхватил ее обеими руками, вытащил из шкафчика, поставил на стол. Присел, демонстративно вытер пот со лба – устал. Скомандовал:

– Дим, подбрось дровишек. Поставь чайник на печку. Сделай себе бутерброд с медом.

– А тебе? Два?

– Мне не надо, обойдусь. Ты лучше мне мед прямо в миску наложи – я так больше люблю, мне эти бутерброды в Англии надоели. – Он встал. – А я пошел.

– Куда? – удивился я.

– В кабинет Митька, – Алешка пожал плечами, – какой ты непонятливый. Обыск произведу. Надо же ключи от сейфа найти.

– Зачем?

Алешка ответил мне сначала ледяным взглядом, а потом снисходительно объяснил:

– Дим, мы здесь одни. Кругом зима. Дремучий лес. Зимние снега...

– Волки, – усмехнулся я. – Воют.

Но он не обратил на мою усмешку никакого внимания.

– А в Шнурках – привидения на чердаке. Ведьмы всякие. – И прошептал: – Нам нужно оружие.

При этих его словах дом ощутимо вздрогнул от неожиданного порыва ветра. Стало как-то неуютно. И я согласился.

Но поиски ключей пришлось на время отложить. На улице послышался треск мотоциклетного мотора и по окнам полоснул свет яркой фары.

– Какой-то сэр приехал, – усмехнулся Алешка, набрасывая куртку. – Визиты начались.

Мы выскочили на крыльцо. За калиткой стояло странное сооружение, похожее на мотоцикл на лыжах, с какой-то вертикальной палкой сзади. Верхом на сооружении сидело немолодое существо с громадной круглой головой. Оно соскочило со своего странного коня и оказалось нашим добрым знакомым – дедом Василием в мотоциклетном шлеме. Прибыл, значит, с визитом.

Мы подошли поближе.

– Попроведать пришел, – сообщил дед. – Как обитаете? В тепле, в сытости? Митрич наказал приглядеть за вами. – Он стал отвязывать от багажника сумку.

– Интересная машина, – сказал Алешка. – Зимний мотоцикл.

– Всего делов-то, – объяснил дед. – На лыжи поставил да назади пропеллер присобачил. Бегаёт.

Палка сзади в самом деле оказалась выстроганным из дерева воздушным винтом.

– Кататься будете? – спросил дед.

– А как же! – обрадовался Алешка. – Два раза.

– А чего ждешь? Садись! Энта ручка для сцепления, а энта для винта включения. Шибко круто не сворачивай – перекинешься. Пошел!

Алешка газанул, винт превратился в сплошной круг, ударил тугим напором. Помчался, бразды взрывая. В чистое поле. Дед Василий посмотрел вслед:

– Хорошо малой сидит. Как царевич на волке. Да и машинка годная получилась. Мне один дачник все говорит: «Давай меняться. Я тебе свой «Буран» отдам, новенький». «Не, – говорю, – я свою Буяна не сменяю на «Бурана».

В заснеженном поле мелькала звездочкой фара, чуть слышался ровный треск мотора.

– Ишь, гоняет, – одобрительно приговаривал дед, – ишь, гоняет.

Звездочка фары уставилась на нас и стала стремительно расти. У самой калитки Лешка лихо осадил «волка», спрыгнул с него. Глаза его сияли.

– Давай, Дим! Клево! Почти как на лошади.

Я, конечно, не отказался.

Машинка оказалась очень простой в управлении, послушной и ходкой. Она плавно неслась, казалось, не по снегу, а прямо над ним, будто летела, его не касаясь, гнала перед собой сверкающий снежный круг. В котором искорками металась редкие снежинки.

Я мчался чистым полем, и мне не хотелось останавливаться. До чего же хороша машина!

Вот тебе и Непруха! Золотые руки у деда Васи. И светлая голова. Когда он с техникой работает, никаких неудач у него не бывает. Техника его любит. И слушается. Как умная и преданная собака. Любой мотор у него заводится, каждое колесо крутится – «всего делов-то»...

Прямо передо мной, в полосе света, мелькнул ошалевший заяц и умчался куда-то в темь.

Я с сожалением повернул назад. И все время думал об этом дедушке. И додумался, что самая главная его непруха – это его вредная Клавдия.

Я остановил Буяна возле калитки. Дед Вася прихватил свою сумку, и мы пошли в дом.

На крыльце он вежливо обмел веником валенки, потоптался, стряхивая с них остатки снега.

– Чай будете? – вежливо, с уважением спросил Алешка. И зачем-то добавил: – Сэр.

– Сыр? – переспросил дед. – Не, я сала вам принес. И картошки.

Картошка была уже сварена, а сало нарезано розовыми ломтиками. Прямо пир получился. Правда, дед Василий засиживаться не стал, выпил чашку чая и заспешил домой:

– Клавдия заругается. Она у меня строгая.

Вредная, а не строгая, прочел я в Алешкиных глазах.

– Я к вам скоро зайду, – натягивая телогрейку, пообещал дед. – Пчелок погляжу, да и вам, чем надо, подсоблю. По хозяйству.

Мы вышли проводить его на крыльцо. Дед оседлал Буяна, нахлобучил шлем:

– Прощевайте, мальцы! – и только снежная пыль столбом.

Проводив деда, мы снова поставили на печь чайник и поднялись в кабинет Митька. Здесь был идеальный порядок. Прямо как в музее писателя-классика. Даже домашние туфли Митька высовывались из-под тахты ровно и аккуратно. А на его рабочем столе не было ничего лишнего. Только лежала стопка бумаги и какая-то начатая рукопись. А из глиняной пивной кружки ровно торчали карандаши и ручки.

Да, классический кабинет. И классиков здесь полно. Они смотрели на нас в виде портретов, висевших на стене. Смотрели с осуждением. Но нас это не смутило. Особенно Алешку. Он подошел к сейфу, потрогал его:

– Холодный, Дим. – Я кивнул: не печка же. – Начнем. Как папа про обыски рассказывал? От двери по часовой стрелке?

И мы начали поиск ключей. Сначала от двери по часовой стрелке. Потом от окна – против часовой. Потом вдоль, потом поперек, потом по диагоналям. А писатели со стен смотрели на нас вредными глазами. И тапочки из-под тахты ехидно подглядывали.

– Во запрятал! – рассердился Алешка.

– А может, он их с собой взял? – предположил я.

– Ну да! Митёк – он, хоть и писатель, но умный. Потеряются еще в дороге. Или украдет кто-нибудь. Он их здесь спрятал.

Откуда такая уверенность? И Лешка признался:

– А я их разговор с папой подслушал. Папа говорит: «Ты ключи понадежней спрячь. Ага, правильно. В самом неожиданном месте». Давай, Дим, ищи неожиданное место. – В туалете, что ли? – А я пойду подкреплюсь.

Прямо Винни Пух какой-то!

Пока мы бороздили во всех направлениях кабинет Митька, чайник вскипел и вовсю звенел подпрыгивавшей крышкой. Мы сели за стол. Леха вооружился деревянной ложкой, заглянул в свою миску. Укорил меня:

– Ну, Дим, я же не пчелка. Добавил бы.

Я добавил...

Через полчаса Алешка, отдуваясь, откинулся на спинку стула, облизнулся и признался:

– Устал. Давно я так не уставал, Дим.

– Ты бы зубы помыл, – посоветовал я. – И уши, по-моему, тоже все медом заляпал.

Алешка погремел рукомойником, споласкивая вымазанную медом мордашку, и вдруг прислушался:

– Дим, а это что? Воеет. Как стадо волков.

И правда, снаружи донесся какой-то странный, непривычный для нас шум. Ровный такой, напористый. Будто приближался откуда-то тяжелый железнодорожный состав. Или «КамАЗ», груженный бетонными блоками.

Мы подбежали к окну.

На улице было уже совсем темно. Только высоко в черном небе сиял ясный до прозрачности месяц да в деревушке под горой мелькали слабые огоньки.

А шум приближался, нарастал. И вдруг все вокруг оказалось в снежном вихре – вздрогнул под его напором старый дом, задребезжали стекла, словно сердитый леший охапками бросал в окна крупный ледяной снег. Прямо как у Пушкина: сделалась метель.

Мгновенно исчез месяц. Исчезли огоньки в домах – как будто их разом погасили по приказу Чубайса.

– Не слабо, – сказал Алешка. – Наши не заблудятся?

– Не заблудятся. Они давно уже в Москве. Чай на кухне пьют. А Митёк им свой роман читает.

– А давай еще дров подбросим, – сказал Алешка. – И тоже чаю попьем. – Он подумал секунду: – Только без меда, ладно? Мы ведь не пчелы, да?

Мы пили чай, а за окном металась пурга. Она даже в печной трубе завывала и свистела.

Алешка часто подходил к окну, прижимался лбом к стеклу, заслонялся ладошками и вглядывался в белесую темь. Но ничего он не видел. Там был только сплошной бушующий снег, который вскоре залепил все окна. Будто весь дом оказался заваленным огромным сугробом. Даже как-то не по себе стало. Это – мне. А Лешка был в восторге.

– Мы, Дим, как в снежной пещере! Нас, Дим, занесло по шейку! Мы потерялись во мгле. Папа объявит нас в розыск. Нас будут искать бульдозеры и вертолеты. И МЧС на верблюдах. – При чем здесь верблюды? – А мы будем себе сидеть здесь и уничтожать Митьковы запасы продовольствия.

– В виде меда?

Алешка открыл рот, но не успел ответить – в шум пурги и метелицы вмешался вдруг тонкий комариный звон. В виде мелодии. Мы не сразу сообразили – что это, но, оглядевшись, просекли: на книжной полке ожил мобильник. Его, наверное, забыл или специально оставил Митёк.

Звонила мама.

– Как вы? – спросила она. – Не голодаете?

– Здорово, – ответил я. – У нас тут пурга и метель. Нас занесло снегом до самой крыши. А у вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.